

Проблема Другого в творчестве Э. Левинаса и В.В. Розанова
Немчинова Анна Леонидовна
аспирант
Волгоградский Государственный университет,
факультет философии и социальных технологий, г. Волгоград, Россия
dnem@yandex.ru

Эммануэль Левинас в работах «Время и другой», «Гуманизм другого человека», «Тотальность и бесконечность», «По ту сторону сущего», то есть на протяжении всей своей творческой деятельности обращался к проблеме общения с другим человеком, она стала основной в его философии. Э. Левинас объявляет Другого абсолютно чужим для любого Я, то есть для любой, опосредованной или не опосредованной культурой, деятельности приобщения к нему. «Другой напротив меня не включен в целостность выражаемого бытия. Как тот, для кого я выражаю выражаемое мной, он вновь появляется позади всякого сгущения бытия. Я снова оказываюсь напротив Другого. И он не есть ни культурное значение, ни простая данность. Он есть смысл как первоисток, ибо наделяет смыслом выражение, ибо только через него такой феномен, как значение, внедряется в бытие»[1]. Другой всегда ускользает от понимания, хотя и оставляет следы.

Другой есть личность, которая в своей уникальности непостижима с помощью каких-либо стандартов. «Мир конкретен, а лицо абстрактно и наго, обнажено, лишено своего образа»[2]. Всякое постижение есть полагание власти со стороны его осуществляющего. Но Другой не подвластен Мне, ибо подвластное не есть другое. Другой не может быть свободен, ибо свобода Другого всегда есть власть надо Мной, но Я также не принадлежу Другому, как и он Мне. Только абсолютная самодостаточность нас обоих гарантирует дружость Другого и самость Меня. Но, все же, Другой вступает в отношения со Мной, он желает вступить в них. Моя потребность в нем и его потребность во Мне есть желание, «исходящее от существа уже удовлетворенного и в этом смысле независимого, не желающего ради себя»[3]. Отношение с Другим и есть время, ибо одиночество есть прекращение времени. «Находясь перед лицом чистого события, чистого будущего, то есть смерти, в которой Я ничего не может больше мочь, не может, иными словами, больше быть Я, мы искали ситуацию, где Я могло бы все же остаться Я, и такую ситуацию мы назвали победой над смертью. Повторим: нельзя определить такую ситуацию как власть. Но как я могу остаться собою в дружости некоторого Ты, не будучи поглощен им, не потерявшись в нем? Как может Я остаться в некотором Ты собою, не будучи, однако, тем Я, каков Я в настоящем, то есть тем Я, которое роковым образом есть Я сам? Как может Я стать другим Самому Себе? Это возможно лишь единственным способом - в отцовстве»[4].

Отцовство не сводимо только к биологическому единству с Другим, оно, прежде всего, - социо-культурное единство. Подлинное отцовство есть единство с абсолютным Другим или Богом. «Бог, выходящий из вечности ради акта творения, - является первой истинной для философии, отправляющейся от идеи трансценденции: ничто не может служить лучшим различием тотальности и отделения, чем разрыв между вечностью и временем. Поэтому другой в силу своего значения, предшествующего моей инициативе, походит на Бога»[5]. Отцовство Бога или другого человека, мое отцовство есть желание помочь или ответить на призыв о помощи. Отцовство ничего не навязывает и ничего не просит, отцовство всегда от избытка, а не наоборот. В России аналогичную концепцию задолго до Э. Левинаса развивал В.В.Розанов.

Отцовство по Э. Левинасу есть одновременно и супружество. Другой - это и сын, и жена, и дочь, и муж. Супружество - ключевая тема философии жизни В.В.Розанова. В книге «Люди лунного света» читаем о супруестве и отношениях мужского и женского полов как о подлинной связи абсолютно противоположных одного и другого: «Вечная женственность» - прообраз одной. «Творец миров» - прообраз другого»[6]. Человек

есть лицо, а не представитель биологического вида. «Индивидуум начался там, где вдруг сказано закону природы: «стоп! Не пускаю сюда!»»[7]. Но подлинное общение как отношение лиц не противоположно половому общению, но именно в нем и реализовано. «Размножение и вот теперешний вид земли и человечества есть чудодейственное, мудрое, необыкновенно хитрое по тайне его и всемогущее преобразование неэстетичной картины великанов-стариков - в картину всевозможных возрастов, и оживленную, и медленную»[8]. Отношения полов и отцовство есть для Э. Левинаса и В.В.Розанова «преодоление смерти», есть одновременно сохранение и утрата лица. Единство позиций В.В.Розанова и Э. Левинаса показательны еще и в связи с опорой концепций обоих философов на ветхозаветные религиозные представления. Их позиции различаются в акцентах. Для Э. Левинаса исток общения, - прежде всего, этический, это призыв к помощи. Для В.В.Розанова, - преимущественно, биологический и эстетический. Однако все эти акценты соотнесены с замыслом Бога о человеке.

1. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Издательство ВРФШ, 1998. - с.167.
2. Там же, с.169.
3. Там же, с.165.
4. Там же, с.99.
5. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. –М.: Университетская книга, 2000. Университетская книга, 2000. – с.275.
6. Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Уединенное. – М.: Правда, 1990. – с.33.
7. Там же, с.77.
8. Там же, с.59.